

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Печев Сергей

Из жизни

Сборник

Сергей Александрович Печев

Из жизни. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33839786

SelfPub; 2018

Аннотация

Из жизни... До смерти... Тебя. В бесконечных листах искать заметки о нас. В грустном, очень грустном мире, память – тюрьма. Шепотом ведать о главном и видеть, как расцветает нуарный портрет моего волшебства. Я бы стал призраком. Немного нас описать перед тем, как уснуть. Встретимся внутри снов? Снова? Добро пожаловать в мир. Мир отрывков из памяти. Мир во имя ее же. Содержит нецензурную брань.

Из Жизни.

Печев Сергей

"Ты должна была жить в акваланге,

Чтобы спускаться в глубины моей души".

"Память".

Я разговаривал с ней о любви, а она по телефону. На зеленой траве, мы смотрели, как самолеты падали в реку и взрывались. Казалось, я даже слышал крики людей. А мы смотрели на небо и просто были. Мимолетно существовали в этом мире. Черные очки и свобода. Мы были с ней слишком похожи, но в тот же момент совершенно разные, как будто кто-то придумал нас для асимметричности мира. Чувствую, как ветер касается моего носа. Слышу, как рыбки шепчут друг другу о странном цвете воды и моих вен, которые отдавали болотным оттенком, все чаще выделяясь из-под моей кожи.

Я болтал о любви, а она ногой. В сентиментальности искренних фраз я обретал что-то новое, неизведанное до этого времени. В сентиментальности я обретал слишком много звуков. Они напоминают мне о прошлом, в котором слишком много пошлых ветров. И ей бы лучше не знать. Мы лежали так близко. Казалось, я даже чувствовал стук ее сердца,

словно незванный гость у дверей моего дома. И тут я вспоминаю По. Листва шелестит на высоких деревьях позади нас. Ивы и березы. И они плачут. Тихо так.

Я молчал о любви, а она, потому что думала. Я курил. Она кашляла, ибо не любила табачный дым. На странных рисунках детей мы падаем вверх. Мы падаем в небо. Молчание слишком сопливо говорило о чувствах. Она не любит ваниль. Тогда зачем здесь сладкий молочный коктейль? Она не любила цветы, но перед нами кружились лепестки тюльпанов. Как пух тополей. На ее руках красные полосы от ногтей. Аллергия. Она не любила меня, но почему-то я был там.

Я пел о любви, а она то, что слышала по радио. Застенчивое солнце пряталось за крыльями желтых бабочек. Луна. Твоя бледная кожа. Я чувствую, как муравьи ползут под моей спиной. Мы невесомы? Ты ближе. Еще ближе. Твоя рука в моей ладони. Невесома. Сентиментальная кома без морали. Мы так хотим быть молодыми. Но все еще юны. Ровесники. И тут вдруг стало темно. Фары машин и мы на дороге. Счастливые люди приходят раньше. Счастливые люди целуются под дождем. Счастливые люди вовсе не такие, как мы. Счастливые люди лучше нас. Они собирают багаж и убегают из дома. Счастливые люди отдыхают в Альпах. Им не нужен свет в комнате. Им под ним плохо. Тошно. Досадно. Счастливые люди красиво молчат. Счастливые люди не мы, они

лучше нас.

Я открываю глаза от любви, она закрывает от смерти. Постель и настенные часы. Фотография в рамке и черная лента. Луна светит в мои окна. Сон. Счастливые люди не умирают в 21. Счастливые люди не страдают в 44.

Заметка №4

Вспоминаю, и тошно. Зима, ноздри, осень пролетает одним днем. Проснулся-вдохнул. И я снова не одинок. На подоконнике нет цветов. Они превратились в черно-белое прошлое. Горшочки с землей под моими ногами. Невесомая тень падает в объятия города, такого пустынного, как глаза наркоманов. Они целуются и шепчут друг другу секреты. А я не слышу их.

В один момент все изменилось, и я, слишком слабый, умирал, отхаркивая кровь в свое отражение в зеркале. Ноздри свистели без слизистых, словно пещеры. Летучие мыши покидают мою голову. Marvel или DC? Кровосток или Ассаи? Сон или Реальность? Она или она? Компас показывает севером на жизнь, а мох кружится в воздухе вместе с памятью. Готов стрелять.

Телефон звенит. Хочешь-не хочешь? Вопросы-ответы. И как давно мы не плакали трезвыми? А может мне в про-

шное? Вопросы-ответы. Прощание-привет. Из крайности в крайность. И так всегда. Радио хрипит в кухонном пространстве, где воздух такой приятный с нотками никотина и запахом бергамота. Мое лечение – зависимость другого калибра. Из больших зол мы выбираем меньшее.

Какой сегодня день? День всегда новый, а я по-прежнему просыпаюсь мертвым, словно тонул во сне, захлебываясь потоком... Тока? Я не помню. Я люблю гулять ночью, пока звезды отмечают похороны тех, кто еще вчера моргали и кричали о помощи. Звезды потухают. Сыр покрылся плесенью, и сейчас я слишком приземлен, словно оголенный провод. Позволь мне сбежать.

VHS – и я бы посмотрел. Старые шипящие боевики, либо наштампованные фильмы ужасов. 32 бита – и я бы поиграл. "Червяк Джим", "МК Ультиматум", "Дюна" и "Пушечное мясо". Давай уьем настоящее в ностальгии. Принеси пластиковых солдатиков и позволь мне проникнуть в детство. Мама, где ты?

Боль в груди ломает меня до пола. Физическая боль, ибо иначе я пуст. Свернувшись клубком на полу в зале. Погладь меня, как котенка с зелеными глазами. Я слышу, как журчит вода по сточным трубам.

Вспоминаю, и тошно. Зима, ноздри. Вдох-выдох. Вход-выход. Моя зависимость кружится у потолка, и я расстреливаю ее с Томпсона. "Werry Snow", шляпы и запрет на алкоголь. Чикаго. Капоне и легенды гангстеров.

Я на полу, готовый падать в снежную кому моей жизни. Давай упадем в глазах человечества.

"Бесконечность"

Это все очень просто.

Я закрываю глаза и вижу мир, который наполнен совершенно иными оттенками. Я закрываю глаза и путешествую внутри себя от вселенной и обратно. Мои планеты и возведенные города.

Хочешь поговорить со мной?

О том, как математические формулы меняют жизни людей? Как бесконечна вселенная? Обсудим? Давай, я расскажу тебе, что и у космоса есть горизонт, что млечный путь совсем не сладок. Или о том, как дети пропадают из своих кроваток? Или прямо из родильного дома в других детей. По частям. Детский конструктор. Об этом темно и пошло с тобой говорить.

Что мне тебе рассказать?

Давай, ты закроешь глаза и представишь, как падает снег. Падает в бездну. И внутри, между снежинок, что отдают волшебством, стараясь не разбиться о них, не порезать бархатную кожу и грубую рубашку кружат в вальсе те, кто душою принадлежит искусству. Ее волосы пахнут жасмином, а он слишком бледный, чтобы быть живым. И эта память и боль. Посмотри, как он касается ее ладони. Ее ногти замыкаются в его венах. В секунду касания их губ, снежинки находят себе пару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.